
Глава 39. Вечная тоска

Пэй Буцзюэ, казалось, питал истинную страсть к созерцанию дорожных пейзажей. Даже когда Дуань Иньхэ осознал, что «Порошок очищения духа» вовсе не лишил демона сил, они всё равно продолжили путь из Дунли в Тучуань Гу самым неспешным образом.

Эта дорога стала для Дуань Иньхэ порой самого глубокого покоя за долгое время. Вместе они проходили сквозь тенистые бамбуковые рощи, слушали журчание чистых ручьев, а в полночный час замирали, внимая далекому колокольному звону горных обитателей и песням рыбаков, доносившимся с реки.

Порой демон заглядывал в придорожные чайные, чтобы послушать сказителей.

Они устраивались на втором этаже, потягивая вино, в то время как внизу мастер слова ударял по столу колотушкой, начиная повествование. История разворачивалась от момента, когда демон-почтенный Пэй Буцзюэ, скрыв имя, проник на гору Сунмин и полюбил «кость меча» Дуань Иньхэ, и тянулась до их страстных метаний сквозь череду перерождений.

Слушая это, Бессмертный господин готов был провалиться сквозь землю или вовсе лишиться чувств. Пэй Буцзюэ же, будучи одним из главных героев этих небылиц, слушал с явным упоением. Он даже принялся собирать различные версии этих книжонок, внимательно их изучая и порой с напускным смирением обращаясь к спутнику за разъяснениями.

— Скажи, а в жизни ты бы тоже одновременно любил и ненавидел того, кто решил тебя заточить?

— Будет ли тебя будоражить подобное обращение?

...Противостоять такому напору было решительно невозможно.

Лишь когда они наконец вернулись в Тучуань Гу, эти дни обманчивой, почти чрезмерной близости подошли к концу.

Внезапно Дуань Иньхэ обнаружил, что видеть Пэй Буцзюэ ему становится всё труднее.

— Носитель, нам нужно серьезно обсудить ваше отношение к объекту миссии.

Лепестки, подхваченные ветром, закружились в медленном танце и опали на землю. Пэй Буцзюэ небрежно опустил на каменный стол ветку, которую до этого использовал вместо меча, и, чуть склонив голову, отозвался:

— Что случилось?

На самом деле носитель всегда прилежно следовал целям миссии. И хотя он порой действовал не по правилам, в целом он был куда покладистее Чу Сюня, который и вовсе не признавал никаких приказов.

После возвращения в Тучуань Гу Пэй Буцзюэ ежедневно отправлял Дуань Иньхэ редкие снадобья и артефакты. Даже руководства по фехтованию, которые он преподносил, были сокровищами, добытыми в иных краях. И пусть прогресс в задании «белого лунного света» рос крайне медленно, по крайней мере, признаков провала не наблюдалось.

Однако систему 059 терзали сомнения после недавнего признания цели миссии. Тем более что носитель, казалось, проявлял к этой любовной затее подозрительный интерес. Потому 059 решился на прямой вопрос:

— Что вы на самом деле думаете о Дуань Иньхэ?

Мужчина лишь улыбнулся, не проронив ни слова.

— Носитель? — повторила система.

Ответа не последовало. Обычно Пэй Буцзюэ откликался на любой зов, терпеливо выслушивая даже те нравоучения, что повторялись сотни раз. Его нынешнее молчание выглядело пугающе странным.

059 почувствовал неладное. Система попыталась открыть логи прошлых заданий, чтобы проанализировать ситуацию, но не успела — панель системных функций внезапно померкла.

Это означало лишь одно: часть её возможностей была заблокирована.

Осознав масштаб беды, 059 попытался связаться с Бюро, но поток данных наткнулся на непреодолимую преграду. Невидимый барьер развернулся в море сознания Пэй Буцзюэ, превратившись в клетку, которую система не могла пробить.

...Носитель обвел её вокруг пальца.

Обычно система обитает в отдельном пространстве, но для удобства 059 скрыл его в сознании носителя. Пэй Буцзюэ, будучи великим практиком, обладал столь мощным духом, что внедрить

в него что-то извне было почти невозможно. Тогда он сам, с мягкой улыбкой, предложил: «Ты можешь войти в мое море сознания».

Всё это делалось ради нынешнего мига.

Только теперь Пэй Буцзюэ явил свой истинный лик, скрывавшийся за маской кротости.

Он непринужденно сидел на каменной скамье, попивая чай и любясь опавшими цветами. В глубине его глаз плясали искры азарта — жестокого и порочного.

Вот он — истинный Пэй Буцзюэ.

Его покорность и готовность выполнять задания ради свободы перемещения между мирами были ложью. Его нежность и жалость к Дуань Иньхэ, судя по всему, тоже не имели в себе и капли искренности.

Стоило его фениксовым глазам едва приоткрыться, в них можно было увидеть горы трупов; стоило мечу покинуть ножны — и даже бронзовые истуканы проливали слезы. Демон когда-то одним ударом сокрушил небесные врата, вырезал целые ордена бессмертных, заставив небесную кару кружить над миром сорок девять дней... Разве мог такой человек смириться с заточением в бесвратной Пустоте?

В этих пылающих красных зрачках каждую темную ночь мерцала жажда крови, способная лишить воли любого смертного.

За долгие годы Пэй Буцзюэ досконально изучил, как Бюро передает потоки данных. Он понял: его духовная сила вовсе не бесполезна против систем Бюро. Напротив... если стать достаточно сильным, можно стереть их в порошок вместе со всем их хваленым ведомством.

— Если подумать, вы и впрямь оказались любопытными противниками.

Демон невозмутимо осушил чашу чая. Улыбка окончательно стерлась с его лица, сменившись тем самым ледяным равнодушием, которое 059 увидел при их первой встрече. Его облик словно подернулся дымкой — холодный и беспощадный.

059 на мгновение замер, осознав свою роковую ошибку. Система не заметила подвоха в напускной мягкости носителя лишь потому, что это задание было для Пэй Буцзюэ слишком личным.

Тогда 059 выбрал эту миссию, надеясь пробудить в мужчине сострадание к главному герою. Ведь когда-то величайший в мире демон-почтенный тоже обладал редчайшей «костью меча».

И потому он лучше всех знал, как выковать из кости безупречный клинок.

«Обладатель кости меча должен быть чист в своих порывах. Познав все семь чувств и шесть желаний, он совершит прорыв в развитии. Когда же он достигнет порога Пустоты, кость станет мечом — высшим сокровищем, равного которому нет в поднебесной»

Но у этого пророчества было продолжение:

«Лишь если кость будет отдана добровольно, меч обретет истинное совершенство»

Для такого аскета, как Пэй Буцзюэ, века пролетают незаметно, стирая в памяти лица, события, жизнь и смерть. Однако, впервые увидев Дуань Иньхэ среди сосновых лесов горы Сунмин, демон под шум ветра вспомнил свой первый удар мечом, нанесенный тысячу лет назад.

Тогда он только встал на путь Дао. Горная луна казалась ему бескрайней, а весенний ветер — пьянящим. Облаченный в белое, он стоял среди облаков — юный, беспечный и полный надежд.

Лишь достигнув стадии Зарождения Души, он узнал о своей «кости меча».

Хотя весь мир знал об этом с самого момента его рождения.

Те люди плели интриги, изводили себя, придумывая тысячи способов заставить Пэй Буцзюэ добровольно вырвать кость и отдать её дляковки меча. Поэтому он верил, что воспитавший его орден пал от рук демонических практиков, и в живых остались лишь он сам да его старший брат.

И когда старший брат спросил, готов ли он вырвать свою кость и превратить её в меч, чтобы отомстить за учителя и собратьев...

Но что бы ни происходило, Пэй Буцзюэ не выпускал из рук собственного клинка, желая мстить за близких самому.

Тогда у них кончилось терпение. Те, кто в его памяти уже давно умер, те, кто был к нему добр и оберегал его с детства, — все они в одночасье превратились в свирепых палачей. Они преследовали юношу, жажда лишь одного — его кости.

Но Пэй Буцзюэ повезло чуть больше, чем Дуань Иньхэ: у него было время, чтобы бежать. И он оказался куда яростнее любого из них.

Вместо того чтобы прятаться, он, не колеблясь, бросился в Царство сожжения белых костей и закалялся там сотню лет. Там он капля за каплей переплавил свою плоть и каждый дюйм своих костей. Он смотрел, как его тело медленно превращается в пепел, чтобы затем возродиться из обломков костей, возвращенных в том горниле.

Ему нечем было заняться, кроме как играть в шахматы с самим собой. Там он научился стремительной игре и, одержав шестнадцать тысяч четыреста девяносто четыре победы над собственной тенью в пламени адского огня, наконец выбрался наружу.

Он даже испытал легкое разочарование, ведь его врожденная «кость меча» бесследно исчезла. А ведь из неё вышел бы превосходный клинок.

Пламя сожгло его кости, но не смогло испепелить его безмерную ненависть. С тех пор в течение тысячи лет Пэй Буцзюэ оставался первым под небесами. От начала и до конца, от жизни до смерти ему нужен был лишь меч. Истинный меч, достойный величайшего мастера.

— Значит, вы сблизились с Дуань Иньхэ по заданию... лишь для того, чтобы взрастить «кость меча» и с её помощью сокрушить Бюро. Вы заставили его познать все чувства, чтобы он сам отдал вам свою жизнь... Вы просто...

059 не мог подобрать слов.

Неудивительно, что демон читал те нелепые любовные романы, неудивительно, что его речи были столь двусмысленны. Система жестоко ошиблась: Пэй Буцзюэ не только не полюбил Дуань Иньхэ — его сердце вообще не дрогнуло.

Он выслушал обвинение, не пытаясь оправдаться. Он лишь с улыбкой заметил:

— Гнев, радость, скорбь, страх, любовь, ненависть и желание... Из этих семи чувств Дуань Иньхэ, пожалуй, не ведал лишь любви. Теперь и она у него есть.

— Но чем вы тогда отличаетесь от тех, кто когда-то обманул вас? — возразил 059.

— Ничем. — Пэй Буцзюэ вскинул бровь и небрежно добавил: — Но разве вы не занимаетесь тем же самым? Разница лишь в том, что я это признаю, а вы — нет.

059 замолчал. Мужчина поднялся со скамьи и лениво бросил:

— По крайней мере, история, которую я пишу для Дуань Иньхэ, куда интереснее вашей...

Дуань Иньхэ замер, глядя на присланное ему снадобье.

Надпись на флаконе была сделана всё тем же неповторимым почерком, но юноша не был глупцом — он видел, что лекарства становятся всё ценнее с каждым днем. Неужели Лю Цин делает это специально, потому что ему что-то от него нужно?..

Он решил не использовать эти снадобья, так как не желал выступать против Пэй Буцзюэ. Он хотел лишь одного — начать путь самосовершенствования заново, чтобы однажды иметь право встать плечом к плечу с этим человеком.

Кстати, о демоне-почтенном...

Ночной воздух был свеж, окно в комнате Дуань Иньхэ осталось открытым. Порыв ветра занес в комнату несколько нежных бело-розовых лепестков, которые опустились на плечо юноши. Он не заметил этого, лишь в сотый раз безмолвно повторил про себя имя Пэй Буцзюэ, и на губах его сама собой появилась улыбка.

— Зачем ты звал меня?

Слова, сорвавшиеся с губ беззвучно, внезапно получили ответ. Дуань Иньхэ вздрогнул и обернулся к окну. Там, в сиянии луны, на подоконнике небрежно сидел Пэй Буцзюэ в алых одеждах. Лунный свет струился по его белоснежной нижней рубахе, отчетливо подсвечивая бледную кожу.

На ногах демона были лишь деревянные гэты; казалось, он только что закончил купание. Он спрыгнул на пол с негромким стуком, и этот звук заставил Дуань Иньхэ прийти в себя. Смутившись, он отвел взгляд и прошептал:

— Ничего...

— А я уж было решил, что Бессмертный господин по мне скучает.

Пэй Буцзюэ, улыбаясь, подошел ближе и бережно смахнул лепесток с его плеча. Затем он склонил голову и прикоснулся ладонью к едва заметной ране на шее Дуань Иньхэ.

Теплая энергия перетекла из его пальцев, и порез мгновенно затянулся. Пэй Буцзюэ вкрадчиво спросил:

— На тренировке задело?

Они стояли слишком близко. Дуань Иньхэ, не зная, куда деться от этого волнения, лишь скованно кивнул. Спустя мгновение Пэй Буцзюэ добавил:

— В эти дни... в Тучуань Гу беспокойно. Раз уж ты решил тренироваться, лучше отправляйся в малое тайное измерение.

Дуань Иньхэ нахмурился:

— Вы сами справитесь?

— Не мели чепухи, — лениво отозвался демон.

Наступила тишина. Оба молчали, не зная, что сказать дальше. Наконец Пэй Буцзюэ проговорил:

— Уже поздно, тебе пора отдыхать. На самом деле я просто проходил мимо...

В тот же миг Дуань Иньхэ, преодолевая робость, начал:

— На самом деле...

Пэй Буцзюэ замер и с улыбкой переспросил:

— И что же на этот раз?

Юноша сжал пальцы и, набравшись храбрости, заглянул ему прямо в глаза:

— На самом деле... только что я и вправду думал о вас.

При неверном свете свечи, в этой прохладной ночи, в глазах Дуань Иньхэ словно отразилась сама луна. Они напоминали тот самый кусок нефрита, что так любил носитель: прекрасные, чистые и совершенно искренние.

Глядя в эти глаза, Пэй Буцзюэ внезапно не нашел в себе сил для очередной насмешки.

Он помолчал, а затем, тихо вздохнув, произнес:

— ...Ясно.

Его голос стал ниже:

— Тогда, Бессмертный господин, не разделите ли вы со мной ложе этой ночью?

<http://bllate.org/book/15843/1439602>